

ISSN 0132-7496

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ
Вып. 34

ИСТОРИЯ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА РАН
В ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ: АЛЬМАНАХ

ИСТОРИЯ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА РАН В ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ: АЛЬМАНАХ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Геологический институт Российской академии наук

**ИСТОРИЯ
ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА РАН
В ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ:
АЛЬМАНАХ**

Очерки по истории геологических знаний

Выпуск 34

(Серия основана в 1953 г. в ИГН АН СССР)

Москва
ГЕОС
2024

УДК 550.9
ББК 26.323

Ответственные редакторы:
член-корреспондент РАН *Н.Б. Кузнецов, И.Г. Малахова*

Редакционная коллегия:
К.Е. Дегтярёв (главный редактор),
Н.Б. Кузнецов (заместитель главного редактора),
Г.Н. Александрова (ответственный секретарь),
Ю.О. Гаврилов, А.Б. Герман, В.Ю. Лаврушин, Б.Г. Покровский, М.А. Рогов,
С.Д. Соколов, С.Ю. Соколов, М.И. Тучкова, М.А. Фегонкин,
М.Д. Хуторской, Н.П. Чамов

Очерки по истории геологических знаний / Ин-т геол. наук АН СССР, Геол. ин-т АН СССР, РАН. — М.: Изд-во АН СССР, 1953—1963; М.: Наука, 1971—2006; СПб: ВСЕГЕИ, 1994—1995; М.: ГЕОС, 2022—2024. — ISSN 0132-7496

Вып. № 34. История Геологического института РАН в документах и воспоминаниях: Альманах / Ответственные редакторы *Н.Б. Кузнецов, И.Г. Малахова*; Составитель и автор комментариев *И.Г. Малахова*. М.: ГЕОС, 2024. 240 с.

Обработка фотоматериалов — *И.П. Второв*

ISBN 978-5-89118-888-4

DOI: 10.34756/GEOS.2024.17.38814

В сборник вошли редкие документы, связанные с научной деятельностью Геологического института Российской академии наук, мемуарные очерки и проза его сотрудников. В этом старейшем академическом институте страны работали и работают немало выдающихся ученых. Датированные разными годами предлагаемые читателям материалы дают возможность не только ощутить атмосферу творческого процесса в научном сообществе Геологического института на отдельных этапах его истории, но и раскрыть многогранность талантливых учёных. Значительная часть документов и произведений, входящих в альманах, публикуется впервые.

© ГИН РАН, 2024

© ГЕОС, 2024

Захаров В.А.

Путь в науку

Куда бы нас ни бросила судьбина,
Пусть года, как дни, бегут.
Все те же мы: нам целый мир чужбина,
Отечество нам Горный институт.

Преамбула

Перевалив через Урал, поезд стремительно уносил нас с супругой из Сибири на постоянное место жительства в Москву. По обеим сторонам дороги под жаркими лучами солнца ярким розовым цветом вспыхивали пятна кипрея (иван-чая), извещающая о середине лета 2000 г.

В.А. Захаров. Дагестан. Июль 2014 г.

Мысли стремительно возвращали меня на 10, 20, 30, 40 лет назад. В одно мгновение я оказывался в прошлом. Все эти годы я провел, по существу, в одной точке: в Академгородке Новосибирска, где работал в Институте геологии и геофизики (ИГиГ), а последние три года — в отмежевавшемся от него Институте геологии нефти и газа Сибирского отделения АН СССР (РАН). И вот после 40-летнего пребывания в Сибири я возвращаюсь на запад, где родился и обрел профессию геолога. Чем вызвано это решение: стремлением начать новую жизнь или бегством от возникших в 1990-е годы проблем в академической науке? Под мерный стук колес я пытался объективно ответить на этот вопрос. Но не мог найти однозначного ответа (или его не существовало). В главном сомнений не было: прожитые годы были благополучными как в семейной жизни, так и в работе.

Ленинград – Новосибирск: Прощание с Горным институтом

В мае 1960 г., примерно за месяц до защиты дипломных проектов, в Ленинградском Горном институте шло распределение на работу будущих горных инженеров-геологов. Во время обсуждения моей кандидатуры возникло небольшое замешательство. На столе комиссии по распределению выпускников лежало письмо за подписью члена-корреспондента АН СССР Б.С. Соколова с просьбой направить В.А. Захарова в Институт геологии и геофизики СО АН СССР для научной работы в области палеонтологии и стратиграфии. Однако это письмо не являлось для членов комиссии официальным документом и, стало быть, не могло послужить основанием для распределения. Неожиданно для меня на комиссию пришел Б.В. Наливкин, заведовавший тогда кафедрой палеонтологии, и попросил слова. Он сказал, что в течение всех пяти лет обучения на геологоразведочном факультете и кафедре месторождений рудных полезных ископаемых Виктор Захаров параллельно интенсивно занимался ископаемыми моллюсками в палеонтологическом отделе Горного музея и на кафедрах палеонтологии и исторической геологии. По итогам этих работ он представлял доклады на научных студенческих конференциях, один из которых был рекомендован проф. В.И. Бодылевским к публикации в Ученых записках ЛГИ. Б.В. Наливкин отметил: «Я не помню столь же устойчивого ин-

тереса к палеонтологии ни у одного студента не только по специальности РМ [разведка месторождений – *Прим. автора*], но и ГСПС [геологическая съемка и поиски полезных ископаемых – *Прим. автора*]. Палеонтология много потеряет, если Виктор Захаров не будет работать в этом научном направлении». Надо сказать, что наиболее весомым в комиссии было слово начальника по кадрам. А она (к сожалению, я забыл, как её звали) сказала следующее: «К нам поступала заявка на молодых специалистов из Сибирского отделения АН, которая позже была отозвана. Давайте сделаем вид, что мы не получали этого отзыва». С этим доводом все члены комиссии единодушно согласились. Так была решена моя судьба как палеонтолога.

Сказать, что распределение на исследовательскую работу в академический институт по научному направлению «палеонтология» меня окрылило, это значит не отразить и малой доли того подъёма и вдохновения, которое я испытал, постепенно осозная случившееся. То, о чем я мечтал последнее время, вдруг стало реальностью. Ведь в противном случае мне предстояло провести ближайшие три года на каком-нибудь руднике в Магаданской области и только затем поступить в аспирантуру на специальность «Палеонтология и стратиграфия». Такие были в то время порядки: даже «красный» диплом не давал права на поступление в аспирантуру сразу по окончании ВУЗа – требовался производственный стаж не менее трёх лет. В случае развития событий по второму сценарию мне предстояло форсировать создание семьи для того, чтобы получить право на прописку в Ленинграде, дающую, в свою очередь, право на возвращение после работы на Крайнем Севере. Это меня тяготило, поскольку я считал, что жениться следует лишь после обретения квартиры или хотя бы комнаты. Распределение в Новосибирск решало все проблемы.

О случившемся я немедленно сообщил заведующему лабораторией палеонтологии и стратиграфии мезозоя и кайнозоя в ИГиГ, в которой я должен был работать, члену-корреспонденту АН СССР Владимиру Николаевичу Саксу.

К счастью, он был в это время в Ленинграде и находился по месту своей прежней работы в Научно-исследовательском институте геологии Арктики (НИИГА). Поздравив меня с назначением, Владимир Николаевич попросил прибыть к нему в удобное время, и, насколько помню, я был у него в тот же день. Владимир Николаевич встретил меня в присущей ему манере: чуть наклонившись, пожал руку и с улыбкой пригласил сесть. По правде сказать, мне показалось странным, что столь видный учёный (о значении работ В.Н. Сакса для четвертичной геологии Советской Арктики мне не раз говорил В.И. Бодылевский)

сидел в сравнительно небольшой комнате, и его рабочий стол ничем не выделялся среди ещё трёх или четырёх, находившихся здесь же. Из беседы я узнал, что «штатной единицы» в ИГиГ под меня действительно нет. Но он тут же принялся меня успокаивать, что нужная единица непременно будет получена ещё до осени. Пока же Владимир Николаевич настоятельно рекомендовал мне поехать на полевые работы в Магаданскую область, в составе отряда под руководством молодого кандидата геолого-минералогических наук А.С. Дагиса — сотрудника лаборатории, в которую планировалось и моё зачисление (Гольдин и др., 2002). В отряде, как заверил Владимир Николаевич, должна была быть предусмотрена временная должность старшего лаборанта, с которой начинали работу в академических институтах все выпускники вузов. Я, конечно, согласился, но предупредил, что в июле должен быть на военных сборах в Карелии для получения офицерского звания. Я также знал, что есть возможность сделать это на месяц раньше, если защитить дипломный проект в мае, а не в июне, как было положено по плану. Я заверил Владимира Николаевича, что приложу все усилия, чтобы прибыть в Новосибирск в конце июня. Всё так и получилось.

Новосибирск – Магадан: Полевые работы лета 1960 г.

Добравшись поездом до Новосибирска, я оформил зачисление в ИГиГ и сразу же получил командировочное удостоверение в Магадан (СВКНИИ СО АН СССР). Это был мой первый в жизни полёт — сначала на ТУ-104 до Хабаровска, а потом на АН-24 до Магадана. В начале июля я уже ехал по магаданской трассе в открытом грузовике в направлении к пос. Омсукчан, недалеко от которого в бассейне р. Вилиги работал стратиграфо-палеонтологический отряд под руководством Альгирдаса Станиславовича Дагиса. Знаменитая трасса к началу июля была уже хорошо накатана. Автомобиль на приличной скорости шёл на запад, углубляясь в сопки, разрезанные падами и поросшие преимущественно лиственницей. День был жаркий. Я сидел в одной рубашке на откидной скамейке у борта машины. Ближе к вечеру, поднимающийся из ущелий сырой свежий воздух, проникая за одежду, приятно облекал и охлаждал нагревшееся за день тело. Тогда я ещё не ведал, что за это удовольствие вскоре придется дорого заплатить. В центре пос. Омсукчан

рядом со зданием Геологического управления мне посчастливилось сразу же найти грузовик, направлявшийся в расположенный на р. Вилиге пос. Орочей, по дороге на который в тайге, на одном из ручьев, впадающих в р. Вилигу, стоял палаточный лагерь новосибирских геологов.

Здесь меня приняли радушно. Сразу, как принято у геологов, напоили крепким чаем и угостили лососёвой икрой, которую позже мы ели ложками прямо «из тазика». После утомительного дня я заснул мёртвым сном, и подъём ранним утром следующего дня меня отнюдь не вдохновил. Я бодро сел, не вылезая из спального мешка, и вдруг острая режущая боль пронзила спину и отдалась в ногах. С большим трудом я выполз из мешка и попытался навернуть портянки, чтобы надеть резиновые сапоги. Каждое движение сопровождалось острой резкой болью в пояснице. Предстоял длительный маршрут на пограничные слои триаса и юры, и я решил в нём участвовать. Надо ли говорить, что путь длиной около 10 км в одну сторону дался мне нелегко. Особенно запомнился переход через лежавшее на пути болото: каждый неудачный шаг, когда нога соскальзывала с кочки, отдавался молниеносной болью не только в пояснице, но даже, как мне казалось, в затылке. Так в возрасте 23 лет я обрел первую профессиональную болезнь геолога, широко известную в народе под названием радикулит, а в более узких кругах медиков — как люмбаго. Она со мной до сих пор. Теперь я часто вспоминаю учителя палеонтологии студенческих лет Бориса Васильевича Наливкина, страдавшего болезнями в преклонном возрасте, отвечавшего на мой вопрос: «Ну, как Борис Васильевич, прошла болезнь (и называл ту, о которой слышал в предыдущий приезд)?» — «Болезни, Витенька, с возрастом не проходят, они только накапливаются». А тогда молодой организм всё же взял своё: через неделю я начал забывать о своей нехстате полученной болезни. Рецидива, к счастью, как в этом сезоне, так и ряде последующих уже в заполярных условиях, не было.

Рабочих начальнику геологического отряда приходилось нанимать в Магадане из числа местных жителей, которые, в основном, делились на две категории: прибывшие на Крайний Север по собственному желанию с целью заработать хорошие деньги и получить социальные льготы и присланные туда против желания. Как нетрудно предположить, вербовать в геологические экспедиции приходилось из второй категории (кто же ради двух-трех месяцев относительно «вольной» жизни в тайге оставит хорошо оплачиваемую стабильную работу?). Наши трое нанятых мужчин возрастом от 30 до 45 лет представляли довольно колоритную группу.

Наиболее цельной личностью был Бандит (назовём его так, поскольку имя его я не помню, да и так ли это важно), осуждённый за разбой

и вышедший на волю. После отсидки он был оставлен на поселение и был обязан отмечаться в милиции Магадана каждые полгода. Среднего роста, худощавый, с маленькими глазами на узком загорелом и обветренном лице, близко посаженными к чуть крючковатому носу, он казался угрюмым и молчаливым и поначалу не вызывал у меня симпатий. В геологические маршруты Бандит ходил неохотно, но, когда наступала очередь дежурить по лагерю или время рыбалки, он преобразался и действовал в этих ситуациях очень энергично и эффективно. Из найденной на дороге автомобильной рессоры он сделал нож, внешне грубый, но очень удобный для разных работ по лагерю. Закалил его и остро заточил, используя куски горных пород разного состава, собранные в ручье. С ножом он не расставался, разделявая дичь или рыбу, насаживая рукоятку на геологический молоток или черенок на лопату, обстругивая молодые деревца для изготовления шеста, клина на растяжку палатки или удилица. Все это делалось ловко и быстро. Так же сноровисто он управлялся и с небольшим неводом, с помощью которого из заводей мелководной р. Вилиги мы вытаскивали на берег шедших на нерест лососей. Принятый А.С. Дагисом командный стиль управления отрядом был ему не по душе, и оттого между ними происходили частые стычки. Помню, что последним аргументом у Альгирдаса Станиславовича в споре с Бандитом была фраза: «Я дам тебе такую характеристику, что век не увидишь материка». Надо отдать должное Альгирдасу Станиславовичу: даже когда дело почти доходило до драки, он не уступал, хотя не мог не знать, что Бандит способен на «крайние меры».

Мои отношения с Бандитом складывались постепенно и благоприятно для меня. Вначале нашему сближению способствовало вышеописанное событие с «люмбаго». Бандит сразу предложил мне помощь в лечении. Вечером первого же дня он растёр мне поясницу спиртом, а на ночь обернул её шерстяным полотенцем. Последующие вечерние процедуры сопровождались втиранием настойки, в которой чувствовался спирт и запах, вероятно, иголок лиственницы. Точный состав смеси мне не был известен. В итоге через три дня я уже забыл о болях. В полевых условиях было не так уж много ситуаций, требующих поддержки окружающих. Часто «выходило из строя» личное снаряжение. В особенности, ломающиеся деревянные рукоятки геологических молотков (современных тогда не было), из-за чего возникала необходимость фиксировать насадку, лезвия ножей, лямки рюкзаков, резиновые сапоги (точнее, отверстия в них). Бандит никогда не отказывал мне в помощи. К концу сезона он подарил мне нож, сделанный из рессоры, который я многие годы брал с собой в экспедиции.

Невозможно не упомянуть и случай, имевший место уже в Магадане, в завершение моих отношений с Бандитом. По-моему, на второй день после возвращения в город с полевых работ Бандит пригласил меня в единственный тогда ресторан. Сразу заказал алкоголь, который был представлен в двух видах: спирт и вино. В то время я ещё не привык к потреблению крепких напитков, поэтому согласился на вино. Официант принес два графинчика: с прозрачным белым напитком и напитком красного цвета. Рядом поставил большой графин с водой. Закуска, естественно, состояла из солёной лососёвой рыбы. Два 100-граммовых гранёных стаканчика до краёв наполнились напитками, соответственно, белого и красного цвета. «Ну, за дружбу — до дна!» — решительно произнес партнёр по столу. После «осушения» стаканчика у меня перехватило дыхание. Бандит услужливо пододвинул мне большой стакан с водой: «Пей быстро». Оказалось, что «вином» назывался спирт, подкрашенный клюквенным соком. Других напитков в ресторане в то время не было, поскольку корабли с продуктами питания и алкоголем с Материка либо ещё не дошли до Магаданской гавани, либо «груз» находился на складах до заморозков.

Работали мы по обыкновению много и интенсивно. Маршруты начинались рано утром, когда было ещё прохладно. Днём же температура воздуха достигала +25 °С. Надетая с утра телогрейка к полудню становилась обузой. Свои тёплые вещи мужчины обычно складывали в рюкзак. В тот сезон с нами работала молодая субличная дама-литолог Л. Жидкова из ВСЕГЕИ, которая не брала с собой рюкзак. Рюкзак с образцами носил один из закреплённых за ней рабочих, который также брал на себя транспортировку телогрейки дамы-литолога. Так поступали и другие рабочие, но не Бандит. Он принципиально отказывался нести тёплую одежду дамы. Насколько я помню, преодолеть это сопротивление А.С. Дагису не удалось ни разу.

Весьма колоритной личностью был 30-летний Витя-Хулиган. Свой срок он отбывал за мелкое воровство и хулиганство. Как и Бандиту, после выхода из тюрьмы ему было поставлено условие: покинешь Магадан, только имея положительную характеристику с места последней работы. Взять на работу в Магадане человека после «отсидки» не решился никто, поэтому Витя-Хулиган был крайне признателен А.С. Дагису за то, что тот принял его в геологическую партию. Небольшого роста, но довольно крепкого телосложения, круглолицый, словоохотливый и приветливый. Это был единственный человек в лагере, который не только во всем слушался А.С. Дагиса, но и выполнял его команды беспрекословно. В отличие от Бандита он охотно ходил в геологические маршруты. На обнажениях работал иступлённо: часами тяжёлой киркой мог

выворачивать огромные плиты аргиллитов и искать на них отпечатки окаменелостей. Эффективность такого метода поисков ископаемых моллюсков была весьма высока, и я сразу перенял у Вити-Хулигана этот подход. С таким же азартом он «заходил» невод, разделял рыбу и очищал от плёнки икру. Однако настроение у Вити-Хулигана менялось почти мгновенно: вот только что он смеялся без особого повода и вдруг — вспышка гнева, крутой мат на повышенных тонах и угрозы в адрес обидчика. Кричал он, правда, только на Васю-Алиментщика, ещё одного рабочего, внешне незлобивого и добродушного человека лет 40 — 45, сбежавшего из средней полосы России от жены и троих детей.

В отряд он пошел лишь потому, что с денежной полевой добавки к окладу (а она составляла 150%) брать алименты не положено. Вася-Алиментщик на рожон не лез, с начальством не спорил, но если позволяла ситуация, то уклонялся от любой работы или выполнял её в минимальном объёме. Несмотря на стоявшую в июле и начале августа жару он предпочитал ходить в телогрейке, иногда, правда, на голое тело. Утром поднимались с трудом все, но последним из палатки выползал Вася-Алиментщик. Своим поведением и поступками он в чём-то напоминал литературного героя-мошенника Паниковского из «Золотого телёнка». В особенности это проявлялось по отношению к начальству, которому он всегда старался угодить: в периоды дежурства по кухне лучшие куски Вася-Алиментщик старался положить себе и начальнику отряда. Надо ли говорить, что выпить любили все трое, но только Вася-Алиментщик постоянно канючил и унижался, вымаливая «хотя бы пару капель». Своих «братьев по классу» он сторонился, предпочитая разговоры только с геологами.

Геологов было трое. Кроме уже не раз упомянутого выше начальника отряда А.С. Дагиса и литолога Л. Жидковой, оставался ещё я, только что сошедший со студенческой скамьи. Поначалу наши отношения с А.С. Дагисом складывались как нельзя благоприятно. Тон задавал Дагис. Он располагал к себе непринуждённым отношением «на равных». Первое впечатление от общения с ним можно было бы точно охарактеризовать словами «свой парень». Однако по истечении времени и по мере возникновения разных ситуаций это первое впечатление постепенно трансформировалось в более сложное и неоднозначное. Хотя коллектив не был многочисленным, он, как и любой другой, состоял из разных личностей. Это были взрослые люди со своими характерами, наклонностями и привычками. Наконец, каждый из нас прошёл свою школу жизни. Нельзя одинаково управлять не только малограмотным жуликом-рецидивистом и специалистом с высшим образованием, но и жуликами числом более одного. Принятый А.С. Дагисом армейский

стиль управления всеми без исключения членами отряда не мог быть одинаково эффективен. Вскоре начались словесные, а затем и физические столкновения, о которых я упомянул выше.

Наша с ним первая стычка произошла во время маршрута на разрез нижней юры по р. Вилиге. Август перевалил на вторую половину. Погода стояла замечательная. По ночам случались заморозки, но днём, особенно ко второй половине, было солнечно и тепло. Работали мы с двухместной резиновой лодкой, с помощью которой переправлялись через узкие и не глубокие, но бурные протоки, на которые в августе разделилась река. Однажды вся группа, состоявшая из пяти человек, приступила к изучению выходов пород на правом, противоположном от лагеря берегу. Как обычно, мы начали описание разреза стратиграфически снизу вверх. Поначалу окаменелости встречались довольно редко. Мы потратили немало времени, чтобы найти несколько ключевых для определения геологического возраста пород таксонов. Время перевалило за полдень. В поисках более продуктивных пластов мы с Витей-Хулиганом несколько отстали от группы А.С. Дагиса. И тут вдруг среди туфогенного аргиллита мы наткнулись на пласт чистых терригенных пород с обильными остатками важного для стратиграфии нижней юры рода двустворок *Otapiria*. Забыв обо всем, мы энергично принялись за дело, расщепляя пласт на плиты и выколачивая из них один экземпляр за другим. Закончив упаковку коллекции, мы двинулись следом за группой А.С. Дагиса и обнаружили её по другую сторону от довольно широкой протоки. Я попросил Альгирдаса Станиславовича послать за нами лодку с рабочим. Совершенно неожиданно для нас он отказался это сделать, ссылаясь на то, что лодка у нас одна, и он не намерен ею рисковать, учитывая возможность прокола о скалистый берег. «Идите на перекат и перейдите реку вброд: чай не барышни, не растаете», — был его ответ. Никакие уговоры и ссылки на отсутствие резиновых сапог, ледяную воду и тяжёлые рюкзаки не возымели действия. Пришлось идти несколько сотен метров вдоль берега вверх по течению реки и, сняв не только обувь, но и штаны, переходить реку по острым и скользким камням в бурлящей ледяной воде, доходившей нам почти до пояса. Объяснение было бурным, но коротким. В ответ на мое возмущение столь жёсткому отношению к людям было заявлено: «Я здесь хозяин и делаю, как считаю нужным». На это я заметил: «Ты не хозяин, а начальник отряда, временно поставленный им руководить. Между начальником и хозяином большая разница». Позже я много раз убеждался, что Альгирдас Станиславович этой разницы не понимал. Ещё не один год мы сохраняли дружеские отношения, но описанная сцена уже не способствовала душевному сближению.

К концу августа приметы осени становились все отчётливее: первыми пожелтели осины и кусты вдоль реки, и даже отдельные ветки лиственниц покрылись коричневым налётом. Мы начали готовиться к отъезду. Как-то вечером обсуждали возможность транспортировки лососёвой икры в Новосибирск и в Ленинград. Вероятность сохранения была невелика, поскольку мы не располагали консервантами. А продукт привезти хотелось не просто солёным, а малосольным. На совете сошлись на том, что после засолки икры и заполнения ёмкостей (20-литровых канистр) для консервации её следует покрыть растительным маслом. Для получения нескольких десятков литров икры необходимо было извлечь из реки сотни голов лососей. В реке в это время ещё стояли стаи кеты, но наше внимание привлекли очень крупные и красивые рыбины, кем-то из рабочих названные кумжей¹. Они находились в самых глубоких впадинах дна реки. Однако попытки извлечь этих рыб из омутов не увенчались успехом. Омуты оказались слишком глубокими для нашего довольно узкого и короткого невода, рыбины легко уходили из него вглубь. Пришлось довольствоваться кетой. Рыбы в невод попадались так много, что нам не удавалось выловить его на сушу полностью: особи извлекались из воды и выбрасывались на берег. Здесь на клеёнке рабочие распарывали животы, извлекали икру, а рыбу оставляли на берегу. Взять ее не было желания, да и никакой возможности: у нас не было ни бочек, ни соли для консервации. Вечером все были заняты отделением икры от плёнки. Икру разбивали в эмалированных тазиках с помощью унизанной гвоздями деревянной вертушки. Тонкая часть вертушки вращалась ладонями рук, а плёнка наматывалась на гвозди, набитые на утолщённой, погружённой в икру части. Занятие это не только утомительное, но и физически тяжёлое. Вспоминать о затее транспортировки «продукта» на континент в особенности досадно, потому что почти всю икру пришлось вылить в унитаз еще в аэропорту Магадана. Даже при хорошем раскладе: низкой температуре воздуха и безостановочном следовании по всему маршруту от р. Вилиги до Новосибирска, — было мало шансов сохранить малосольную икру свежей. Положение дел усугубилось не только тем, что установилась жаркая погода, но ещё и постоянными задержками: сначала опоздал на двое суток грузовик, на котором отряд добирался до Магадана, затем мы не смогли вылететь в срок из аэропорта, поскольку не было билетов. Когда, наконец, билеты были на руках, кто-то решил проверить качество икры, открыв одну из 20-литровых канистр. Ударивший в нос резкий

---

¹ Кумжа (*Salmo trutta*) — озёрная или ручьевая рыба из семейства лососёвых (Salmonidae) — *Прим. И.М.*

запах сильно квашеной капусты не оставил сомнений в отношении дальнейших действий. Рубинового цвета крупная кетовая икра в белоснежном унитазе — эта картина до сих пор стоит в моих глазах, так как именно мне как младшему было поручено выполнить эту последнюю на магаданской земле миссию.

По возвращении в Новосибирск, когда встал вопрос о дальнейшей специализации в лаборатории, А.С. Дагис предложил мне остаться в его группе и заняться аммонитами и биостратиграфией нижней юры Северо-Востока Азии. «Группа почти не изучена, а зональная шкала не разработана. Так что ты быстро защитишься и будешь иметь хорошую перспективу на будущее», — убеждал он меня. Я отказался по двум мотивам: мне хотелось заняться двустворками, поскольку бентосные группы наиболее эффективны при палеоэкологических исследованиях, которыми я с увлечением занимался со студенческих лет, и еще я очень хорошо запомнил причины конфликтов с А.С. Дагисом во время полевых работ 1960 г. О своём желании я сообщил В.Н. Саксу, который, несмотря на определённое давление со стороны А.С. Дагиса, не отказал мне в просьбе работать по двустворчатым моллюскам верхней юры и нижнего мела севера Сибири.

Новосибирск – Красноярск – Хатанга: Полевые работы в Арктике 1961 года: полуостров Таймыр

Итак, я оказался в создаваемом в ту пору В.Н. Саксом межведомственным коллективе. В соответствии с программой междисциплинарных исследований морской верхней юры и нижнего мела Сибири Владимир Николаевич планировал по возможности одновременно изучать все наиболее значимые для стратиграфии группы ископаемых организмов. С этой целью он намеревался пригласить из Ленинградских институтов для работы в ИГиГ уже хорошо зарекомендовавших себя специалистов по аммонитам: Михаила Семеновича Месежникова из ВНИГРИ (на верхнюю юру) и Наталью Иосифовну Шульгину из НИИГА (на нижний мел). Фораминифер и остракод изучал Валерий Александрович Басов, за мной были двустворки, а сам Владимир Николаевич взялся за белемниты. Вещественный состав пород исследовали Зинаида Зиновьевна Ронкина и Ефим Григорьевич Юдовный (НИИГА).

Вся эта команда вместе с немногочисленными помощниками (ра-дист-повар из НИИГА, лаборантка из ВНИГРИ и студент из НГУ) со-ставила единый экспедиционный отряд, который летом 1961 г. нап-равился на север Сибири исследовать разрезы верхней юры и нижнего мела, о которых в то время было известно мало. Одна из негативных сторон экспедиционных выездов — это трудности организации. Тепе-решние руководители геологических отрядов полагают, что раньше всё было проще. Они ошибаются. Существовал, например, запрет на назначение начальниками отрядов старших лаборантов. Чтобы преодо-леть эту преграду и сделать меня начальником отряда, Владимиру Ни-колаевичу пришлось приложить немалые усилия (вплоть до обращения к директору Института А.А. Трофимуку). Экспедиционное снаряжение заказывалось заранее, но это не значит, что заказы выполнялись полно-стью. Всегда были дефицитны меховые вещи, а Владимир Николаевич в традициях организации арктических экспедиций Института геологии Арктики требовал меховые спальные мешки и меховые же куртки и костюмы. Так что приходилось тормошить снабженцев, чтобы получить нужные вещи. В наши дни может показаться надуманной проблема продуктов питания. В советское время начальники отрядов заранее подавали заявки в Сибкадемнаб на продукты длительного хранения (консервированное мясо — тушёнку, сосисочный фарш, сгущённые молоко, кофе и какао, сахар, чай и пр.). Эти продукты по специальной накладной мы получали на складах Сибкадемнаба перед отъездом в экспедицию. Объём каждого продукта рассчитывался исходя из чис-ленного состава отряда и продолжительности полевого периода. При-нимался во внимание район работ: предпочтение отдавалось отрядам, работавшим на Крайнем Севере. Обычно в заявках фигурировали цифры, превышающие действительную потребность отряда: мясная тушёнка и сгущёнка были желанным продуктом, и их старались сбе-речь для семьи.

Отряд состоял из трёх человек: кроме нас с В.Н. Саксом, в нем был еще Абрам — студент-математик из НГУ. В конце июня 1961 г. экспе-диционное снаряжение и продукты были упакованы в баулы, выючные сумы и окованные железом выючные ящики. Мы были готовы тронуть-ся в путь. Добраться до пос. Хатанга на севере Красноярского края, где располагалась база НИИГА и откуда экспедиция планировала маршру-ты на геологические разрезы, можно было только самолётом. Самолёт в Хатангу летал из Красноярска один раз в неделю, кажется, по суб-ботам. Мы решили лететь из Новосибирска в пятницу, чтобы заранее обеспечить себя местами в самолет. Каково же было наше огорчение, когда, прибыв вечером из аэропорта Новосибирска в аэропорт Крас-

ноярска, мы узнали об отсутствии мест на рейс Красноярск – Хатанга. В.Н. принял решение провести предстоящую неделю в Красноярске. О недельной задержке с вылетом мы известили телеграммой находившегося в Хатанге Е.Г. Юдовного (Захаров, 2009).

Разрешение на поселение в гостинице при аэропорте мог дать только его начальник, а он явился на работу лишь в понедельник. Так что в гостиницу сначала поселили только Владимира Николаевича, а мы со студентом провели две ночи в расположенном поблизости общежитии медицинского института. Надо сказать, что в Красноярске мы не скучали, тем более что погода нам благоприятствовала. Во-первых, мы ознакомились со всеми городскими достопримечательностями: обошли центральные улицы, посетили музеи В.И. Сурикова и Краеведческий, сходили к ныне широко известной благодаря изображению на 10-рублёвой купюре часовне, купались в Енисее; во-вторых, мы совершили длительный поход в знаменитый заповедник «Столбы», где провели целый день. Владимир Николаевич взял с собой несколько книг художественной классики (среди них я запомнил «Маленького принца» А. Сент-Экзюпери, «Нейлоновый век» Э. Триоле и письма И.С. Тургенева к П. Виардо), которые мы все прочитали.

Билеты были в кармане, поэтому казалось, что дорога на Хатангу нам открыта. Однако при посадке нас вновь постигло разочарование: груз не разрешили отправить тем же рейсом. Никакие уговоры не помогли: начальник отдела перевозок твёрдо отказал, но пообещал, что через день следом за нами снаряжение будет отправлено грузовым рейсом. Свое обещание он «почти» выполнил: груз пришел в Хатангу на третий день после нашего прибытия. В Хатанге нас встретили собравшиеся здесь участники экспедиции. Поселились мы в единственном приспособленном для жилья домике, окрещённом его временными жильцами «Индией» из-за постоянной перенаселённости. Одноэтажный домик представлял собой мазанку у края главной дороги в аэропорт. Нары в домике были сооружены на двух уровнях и не имели перегородок. По существу, это были два настила из пилёных неструганных досок. Жильцы клали на эти нары спальные мешки и лежали вповалку. Владимир Николаевич жил вместе с нами. Все наши попытки уговорить его поселиться в гостиницу речного порта им решительно отвергались. В том году ему исполнилось 50 лет (Захаров, 2001).

Первый вылет был запланирован на север, на южные склоны гор Бырранга (р. Дябака-Тари), на разрез предположительно волжского яруса, но мы не исключали встретить и отложения иного возраста. Первым рейсом на самолете АН-2 с опытным пилотом Пидопличко летели мы с Ефимом Юдовным, Михаилом Месежниковым, Вален-

тиной Балаганской (помощница Месежникова) и Валерием Басовым. После приземления мы поняли, что место выбрано неудачно — слишком далеко от обнажения, поэтому попросили лётчика высадить вторую группу выше по реке. Самолёт улетел, а мы приступили к загрузке надувной резиновой лодки, чтобы перебросить снаряжение к месту предполагаемого лагеря бичевой тягой. Вскоре наша группа направилась вверх по реке. Встречное течение было мощным и бурным, и нам приходилось прилагать немалые усилия, чтобы его преодолеть. Нос лодки зарывался в воду, временами ее захлестывало волнами. Местами мы «впрыгались» втроем, чтобы пройти наиболее тяжелое место. На одном из таких участков шедшая позади группы Валентина вдруг воскликнула: «Примус плывет!». Мы встали и с удивлением взирали на уходящий в поток примус, а следом за ним какой-то сверток. После короткого замешательства кто-то сообразил, что все эти вещи — часть снаряжения, выпавшего из-под дна лодки. Вытянув лодку на берег, мы обнаружили на её дне довольно обширное рваное отверстие, через которое и выпадали предметы полевого быта. Пришлось лодку разгружать, сушить её и вещи. Затем мы почистили дно, чтобы наложить на отверстие резиновую заплату. За этим занятием нас и застал В.Н. Сакс с оставшейся частью отряда, который к этому времени благополучно приземлился на новой точке и пришёл узнать, что же это мы так долго стоим на одном месте.

Пока мы поднимались по реке и ставили палатки, прошло значительное время, и после ужина только мы с М.С. Месежниковым выразили желание дойти до обнажения. Расстояние от лагеря до крутого и протяжённого обрыва по правому берегу р. Дябака-Тари составляло не более полутора километров. Когда мы подошли к его подножью, у нас перехватило дыхание: весь берег был усеян прекрасной сохранности окаменелостями. Особенно много было двустворок: повсюду белели створки крупных изогномонов, крупных пектенид, окситом, устриц и разнообразных десмодонт. Присмотревшись, мы обнаружили большого диаметра раковины аммонитов-перисфинктид (позднее Михаил Семёнович выделил по ним новый для науки род *Taimyrosphinctes*). Местами были видны скопления брахиопод. Несмотря на позднее время (около 22:00) обнажение хорошо освещалось косыми лучами висевшего над горизонтом солнца полярного дня. Зрелище было впечатляющим. В течение некоторого времени мы осторожно осмотрели осыпь, а затем, сильно возбужденные, поспешили в лагерь. Владимир Николаевич ещё не спал, и мы поделились с ним только что увиденным. Утомленные физическими и психологическими нагрузками прошедшего дня и в предчувствии удовольствия от дня завтрашнего, все крепко заснули.

Но отоспаться было не суждено: ночью разразилась буря с дождём и ураганным ветром. Палатки были сорваны мгновенно. Потемнело. Порывы ветра продолжались более часа. Всё это время, полуодетые, мы пытались закрепить палатки, используя крупные камни-валуны. Наконец ветер ослаб. Палатки удалось укрепить, и, забравшись мокрыми в спальные мешки, кто мог, постарались заснуть. Усталость взяла своё, лагерь замер и ожил только поздним утром. После завтрака, когда многие уже были готовы к маршруту и направились к реке, чтобы переправиться на другой берег, оказалось, что резиновые лодки отсутствуют. В бинокль они были обнаружены на противоположном берегу, далеко в тундре. Как форсировать реку? Дело спасла продырявленная накануне лодка, которую оставили для просушки в спущенном состоянии. На ней удалось пересечь сильно поднявшуюся после ночного дождя реку и доставить в лагерь унесённые ветром в тундру надутые лодки.

Разрез волжского яруса на р. Дябака-Гари оказался ограничен средне- и верхневолжским подъярусами, но этот стратиграфический интервал представлен очень полно. Все группы беспозвоночных — аммониты, белемниты, двустворки, гастроподы и брахиоподы — представлены очень богато. Среди собранных нами беспозвоночных оказалось немало новых для науки таксонов, например, подрод *Boreioxytoma* (беззубая двустворка) и ряд новых видов среди всех групп моллюсков. В.Н. Сакс собрал из этого разреза большую коллекцию белемнитов, которую позже использовал при работе над двумя монографиями по верхнеюрским и нижнемеловым белемнитам севера Сибири.

Послесловие

Осенью 1965 г. начинающая журналистка получила задание от редакции газеты «Вечерний Новосибирск» подготовить очерк о молодом научном сотруднике, желательного со степенью кандидата наук, одного из институтов недавно образованного Сибирского отделения АН СССР. Профессия геолога в те далекие 1960-е годы ещё была овеяна романтикой походов в труднодоступные места Сибири и Дальнего Востока. Поэтому, видимо, неслучайно корреспондент пришла в Институт геологии и геофизики СО АН. Ученый секретарь направил журналистку к профессору Александру Михайловичу Обуту, который и посоветовал ей встретиться со мной, только что защитившим диссертацию на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук.

Встреча состоялась в двухкомнатной квартире панельного дома по улице Учёных, в которой тогда проживали мы с женой и двухлетним сыном. В процессе чаепития я рассказал о детских и юношеских увлечениях окаменелостями, о студенческих годах и учителях, об участии в начале 1960-х годов совместно с В.Н. Саксом в заполярных экспедициях на север Сибири, о значении исследований мезозойских моллюсков для геологической теории и практики. В это время сын ползал по полу, перекидывая с места на место какие-то окаменелости. И этот факт нашёл отражение в очерке, опубликованном позднее в газете. Появление очерка вызвало неожиданно острую негативную реакцию самых близких коллег — супругов Дагис. Я был обвинён в саморекламе и преувеличении своих достижений в науке. Особенно агрессивно вела себя супруга. «Альгирдас Станиславович, — сказала она, — несравненно более крупный учёный, но он о себе не пишет» (!?). Альгирдас Станиславович высказался, как всегда, цинично и в язвительной форме: «Ты вроде не артист, чтобы себя хвалить в газете». Я согласился с относительной оценкой супруги, но заметил, что сам о себе не писал. Это была первая, но так и не залеченная «трещина» в моих некогда дружеских отношениях с Дагисами.

